

Э.Л. Безносов

© Безносов Э.Л., 2025

О ПУШКИНСКИХ И ДАНТОВСКИХ МОТИВАХ И РЕМИНИСЦЕНЦИЯХ В НЕКОТОРЫХ ТЕКСТАХ ИОСИФА БРОДСКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются пушкинско-дантовские реминисценции и ассоциации, главным образом в таких стихотворениях Иосифа Бродского, как «Стихи в апреле», «Менуэт». Кроме того, исследуются как поверхностные, так и глубинные значения этих ассоциаций, выводящие на понимание особенностей художественного мышления Иосифа Бродского в целом. Рассматриваются также трансформации мотивов пушкинского «Пророка» в стихотворении «Строфы», обусловленные событиями личной жизни поэта, и интерпретируется заключительная глава цикла «Новые стансы к Августе» как декларация поисков собственного поэтического языка.

Ключевые слова: И.А. Бродский; мотивы; метафора; аллюзия; реминисценция; Пушкин; Данте.

Получено: 08.02.2025

Принято к печати: 10.03.2025

Информация об авторе: *Безносов* Эдуард Львович, заслуженный учитель РФ, учитель литературы и русского языка ГБОУ СОШ № 67, Кутузовский проезд, д. 10, 121170, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>**E-mail:** beznosov.e@gmail.com

Для цитирования: *Безносов Э.Л.* О пушкинских и дантовских мотивах и реминисценциях в некоторых текстах Иосифа Бродского // Литературоведческий журнал. 2025. № 2(68). С. 51–65.

DOI: 10.31249/litzhur/2025.68.03

Ehduard L. Beznosov
© Beznosov Eh. L., 2025

ON PUSHKIN AND DANTE'S MOTIFS AND REMINISCENCES IN SOME OF JOSEPH BRODSKY'S TEXTS

Abstract. The article examines Pushkin and Dante's reminiscences and associations mainly in such poems by Joseph Brodsky as "Poems in April" and "Menuet". Besides, both the superficial and deep meanings of these associations are explored, which lead to the understanding of the peculiarities of Joseph Brodsky's artistic thinking as a whole. The article also considers the transformation of the motifs of Pushkin's "The Prophet" in the poem "Strophes", connected with the events of the poet's personal life, and interprets the final chapter of the cycle "New Stanzas to Augusta" as a declaration of the search for one's own poetic language.

Keywords: J. Brodsky; motifs; metaphor; allusion; reminiscence; Pushkin; Dante.

Received: 08.02.2025

Accepted: 10.03.2025

Information about the author: *Ehduard L. Beznosov*, Distinguished Teacher of the Russian Federation, Teacher of Russian language and literature, School No. 67, Kutuzovsky Passage Street, 10, 121170, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: beznosov.e@gmail.com

For citation: Beznosov, Eh. L. "On Pushkin and Dante's Motifs and Reminiscences in Some of Joseph Brodsky's Texts". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(68), 2025, pp. 51–65. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2025.68.03

*Поэзия как ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой.
А.С. Пушкин*

Давая в 1981 г. интервью известной французской славистке Анни Эпельбуэн, опубликованном впервые в альманахе «Странник», а затем воспроизведенном в книге «Бродский. Книга интервью», в частности на вопрос о том, каким был круг чтения Бродского, как он открыл для себя английских метафизических поэтов, а затем перевел их, поэт сказал: «Это дух соревнования. Сначала написать лучше, чем, скажем, пишут те, кого знаешь, твои друзья; потом лучше (т.е., может быть, лучше и не получалось, но

казалось иногда, что получается), чем, скажем, у Пастернака или Мандельштама, или, я не знаю, у Ахматовой, Хлебникова, Заболоцкого. То есть ты сражаешься со всей русской поэзией; может быть, не столько сражаешься – просто там – где они кончили, ты начинаешь» [1, с. 147].

Видимо, здесь сказалось подспудное ощущение поэтом того, сущность чего точно сформулировал выдающийся исследователь русской литературы В.Э. Вацуро: «Культура коллективна по самому своему существу, и каждая культурная эпоха – непрерывный процесс взаимодействия творческих усилий ее больших и малых деятелей, процесс миграции идей, поэтических тем и образов, заимствований и переосмыслений, усвоения и отторжения. Это многоголосие – форма и норма ее существования» [4, с. 5].

И ранее в эссе, озаглавленном «В тени Данте», созданном в 1977 г., Бродский писал: «В отличие от жизни произведение искусства никогда не принимается как нечто само собой разумеющееся: его всегда рассматривают на фоне предтеч и предшественников. Тени великих особенно видны в поэзии, поскольку слова их не так изменчивы, как те понятия, которые они выражают» [2, с. 72]. Один из таких «великих» для Бродского – это, безусловно, Пушкин, которому уделено очень большое место в этом интервью. В частности, «одним из самых симпатичных воспоминаний о школьных годах» Бродский называет чтение на уроках вслух «Евгения Онегина». Главное качество пушкинской поэзии Бродский видел в том, что «...он выполнял роль чрезвычайно существенную, в некотором роде облагораживал язык» <...> Одно из замечательных свойств поэзии Пушкина – благородство речи, благородство тона» [1, с. 152, 154]. На вопрос А. Эпельбуэн, есть ли у самого Бродского «пушкинские» стихи, т.е. стихи, отмеченные гармонической точностью, Бродский отвечает: «Я думаю, есть. И довольно много, но с какими-то добавлениями, с модернизированием – когда стихотворение держится на принципе эха, пушкинского эха, т.е. эха гармонической школы. (Видимо, здесь Бродский имеет в виду то, что в своей книге «О лирике» Л.Я. Гинзбург назвала «школой гармонической точности» [5, с. 19–51].) «Не так их много, но есть. Это уж настолько норма – поэтическая лексика Пушкина, что допускаешь время от времени перифразы» [3, с. 156]. Пушкинские «перифразы» у Бродского множество раз отмечались различными исследователями. Смотри указания на них у А. Ранчина [9, с. 202], который писал: «Творчество Пушкина как

квинтэссенция русской поэзии не может не быть ориентиром для Бродского, не может не быть интертекстуальным фоном его поэзии. Бродский <...> естественно, не может не вступить в диалог с первым русским поэтом. <...> Преемственность по отношению к Пушкину проявляется у Бродского в интертекстуальных связях, в цитатах. Она интенсивна лишь в нескольких стихотворениях, имеющих метаописательный характер. <...> В поэтической памяти Бродского Пушкин – другое имя самой словесности. <...> Пушкинская поэзия для Бродского – это сущность русской поэзии вообще, ее квинтэссенция, а имя Пушкина – другое имя самой словесности» [9, с. 201, 216].

Одним из таких пушкинских «перифразов» у Бродского является, на наш взгляд, стихотворение, озаглавленное «Стихи в апреле», который (перифраз) остался незамеченным исследователями:

В эту зиму с ума
я опять не сошел. А зима,
глядь, и кончилась. Шум ледохода
и зеленый покров
различаю. И, значит, здоров.
С новым временем года
поздравляю себя
и, зрачок о Фонтанку слепя,
я дроблю себя на сто.
Пятерней по лицу
провожу. И в мозгу, как в лесу –
оседание наста.

Дотянув до седин,
я смотрю, как буксир среди льдин
пробирается к устью.
Не ниже
поминания зла
превращенье бумаги в козла
отпущенья обид.
Извини же
за возвышенный слог:
не кончается время тревог,
но кончаются зимы.

В этом – суть перемен,
в толчее, в перебранке Камен
на пиру Мнемозины.
Апрель 1969 [3, с. 189–190]

Комментатором здесь отмечен «Полемический перифраз первой строки трагедии Шекспира “Ричард III”: “Закончилась зима наших неурядиц (тревог)”. Цитата была на слуху, поскольку в 1962 г. вышел русский перевод романа американского писателя Джона Стейнбека “Зима тревоги нашей”» [3, с. 542]. Но, помимо указанной отсылки к Шекспиру и Стейнбеку, в этом стихотворении, на наш взгляд, совершенно отчетливо слышен отзвук фрагмента из восьмой главы романа «Евгений Онегин» (того самого романа, чтение вслух строф из которого доставляло удовольствие Бродскому в школе), а именно строфы XXXIX:

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума.
Весна живет его: впервые
Свои покои запертые,
Где зимовал он как сурок,
Двойные окна, камелек
Он ясным утром оставляет,
Несётся вдоль Невы в санях.
На синих, иссеченных льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег...
[8, т. 5, с. 159]

Обращает на себя внимание наличие общих образов и мотивов в обоих текстах: это прежде всего мотив безумия, которого и герою пушкинского романа, и лирическому герою Бродского удалось избежать; мотив душевного пробуждения, традиционно в поэзии, связанного с весной, а также образы тающего снега и ледохода, усиливающие мотив весеннего возрождения души. Кроме того, присутствует в обоих текстах очень важный мифопоэтический образ реки как границы миров, который, как мы увидим в дальнейшем, окажется связанным с дантовской поэмой. Сущест-

веннейшее отличие двух героев заключается в том, что Онегин «не сделался поэтом», в то время как лирический герой Бродского поэтом был и остался, о чем говорит внешне ироническое, но в то же время абсолютно серьезное сообщение о «превращенье бумаги в козла отпущенья обид» как способе достижения внутренней гармонии, душевного равновесия, видимо, того равновесия, о котором он говорил в интервью Анни Эпельбуэн: «Пушкин – это до известной степени равновесие» [1, с. 153], имея в виду гармонию формы и содержания пушкинских текстов. Растерянному, «как будто громом пораженному» Онегину, погруженному сердцем в «бурю ощущений», каким он будет изображен в финале романа, соответствует / противостоит лирический герой Бродского, осмысляющий происходящие перемены как творческий импульс:

В этом – суть перемен,
в толчее, в перебранке Камен
на пиру Мнемозины.
[3, с. 190]

Помимо указанных мотивов, это в свою очередь также сюжетная аналогия, роднящая тексты Пушкина и Бродского: разрыв с любимой женщиной, внешне только предстоящий Онегину, а по сути произошедший значительно раньше, – в стихотворении же Бродского этот сюжетный ход присутствует имплицитно и связан с событиями его личной жизни: с его отношениями с Мариной Басмановой. Лев Лосев, близко знавший Бродского и его возлюбленную, пишет в своей книге: «На долю Бродского выпало немало исключительных событий и потрясений – благословения великих поэтов, Ахматовой и позднее Уистана Одена, аресты, тюрьмы, психбольницы, кафкианский суд, ссылка, изгнание из страны, приступы смертоносной болезни, всемирная слава и почести, но центральными событиями для него самого на многие годы оставались связь и разрыв с Мариной (Марианной) Павловной Басмановой. <...> Бродскому не было и двадцати двух лет, когда он 2 января 1962 года познакомился с Мариной Басмановой. <...> Близкие отношения Бродского с Басмановой, осложненные уходами и возвращениями, продолжались шесть лет и окончательно прекратились в 1968 году...» [7, с. 72]. Таким образом, можно считать это стихотворение поэтическим выражением осознания завершенности отношений с возлюбленной. Ещё одним откликом

на это, по мнению биографа Бродского Л. Лосева, важнейшее в жизни поэта событие, звучат заключительные строки стихотворения «Строфы», написанного в 1968 г., т.е. близко ко времени самого события:

<...>

На прощанье ни звука;
Только хор Аонид.
Так посмертная мука
И при жизни саднит.
[3, с. 165]

И здесь, как и в «Стихах в апреле», способом преодоления житейской трагедии служит поэтическое творчество, метафорически выраженное в образе «хора Аонид». Сходный мотив – разрыва с возлюбленной – найдем мы и в стихотворении «Подсвечник», также написанном в 1968 г.:

<...>

Зажжём же свечи. Полно говорить,
что нужно чей-то сумрак озарить.
Никто из нас другим не властелин,
хотя поползновения зловещи.
Не мне тебя, красавица обнять.
И не тебе в слезах меня пенять...
<...> [3, с. 176]

Видимо, как указание на миновавшую угрозу безумия звучат в «Стихах в апреле» образы возвращающихся слуха и зрения («Шум ледохода / и зеленый покров / различаю. / И, значит, здоров».) Это становится еще более очевидным при ретроспективном сравнении этого стихотворения со стихотворением 1981 г., т.е. написанным уже в эмиграции, «Я был только тем, чего...», посвященного М.Б. (Марине Басмановой):

<...>

Это ты, горяча,
ошую, одесную
раковину ушную
мне творила, шепча.

Это ты, теребя
штору, в сырую полость
рта вложила мне голос,
окликавший тебя.

Я был попросту слеп.
Ты, возникая, прячась,
даровала мне зрячесть.
<...> [3, с. 416]

Образ, аналогичный содержащемуся в строчках «не ниже поминания зла прекращения бумаги в козла отпущения обид», и «На прощанье ни звука; Только хор Аонид», т.е. преодоления безумия посредством творчества, находим мы в двенадцатом стихотворении из цикла «Часть речи»:

Тихотворение мое, мое немое,
однако тяглое – на страх поводам,
куда пожалуемся на ярмо и
кому поведаем, как жизнь проводим?
Как поздно заполночь (так! – Э. Б.) ища глазунию
луны за шторою зажженной спичкою,
вручную стряхиваешь пыль безумия
с осколков желтого оскала в писчую.
[3, с. 367]

Очень важным для нашей темы является комментарий к циклу, в котором говорится: «Как во всякой высокой лирике, темы ностальгии, утраченной любви, отчужденности смертного человека от вечных космических циклов природы интегрированы в коротких текстах ЧР, но есть здесь и специфическая тема, сильно заявленная в названии цикла и во вступительном стихотворении и реализованная не столько в сюжетах, сколько в самой фактуре текста, *это тема утраты старого и трудного рождения нового поэтического языка* (курсив мой. – Э. Б.)» [3, с. 613].

Стихотворение «Я был только тем, чего...», в котором явно слышны мотивы пушкинского «Пророка», отмеченные в комментариях Л. Лосева, завершает сборник «Новые стансы к Августе», и это, по справедливому мнению комментатора, придает

ему особый статус, так как сборник этот был полностью спланирован самим Бродским. Лосев пишет: «Стихотворение ориентировано на самые высокие образцы. Как в “Пророке” Пушкина обретение творческой силы – слуха, зрения голоса – приходит как результат религиозно-аскетического откровения (“в пустыне” и т.д.), принесенного шестикрылым серафимом, а у Бродского откровение религиозно-эротическое, носителем его является возлюбленная» [3, с. 647].

В книге о Бродском Л. Лосев пишет: «Стихи, посвященные “М.Б.”, центральны в лирике Бродского не потому, что они лучшие – среди них есть шедевры и есть стихотворения проходные, – а потому, что эти стихи и вложенный в них духовный опыт были тем горнилом, в котором выплавилась его поэтическая личность. Уже в свои последние годы жизни Бродский говорил о них: “Это главное дело моей жизни”. Объясняя, как ему пришла в голову мысль составить из стихов к “М.Б.” книгу “Новые стансы к Августе”, он неожиданно приводит сравнение не с денисьевским циклом Тютчева или циклом “Шиповник цветет” Ахматовой, а с “Божественной комедией” Данте: “К сожалению, я не написал ‘Божественной комедии’. И, видимо, никогда уже не напишу. А тут получилась в некотором роде поэтическая книжка со своим сюжетом...”» [7, с. 73].

Возникшая у Бродского неожиданная ассоциация сборника «Новые стансы к Августе» с «Божественной комедией» Данте, как нам кажется, отнюдь не случайна, а свидетельствует о глубинных поэтических сцеплениях, живущих в сознании поэта. Сразу обращает на себя внимание употребление весьма редких в литературе, и в частности в поэзии, слов «одесную» и «ошую». Употреблены они, кроме стихотворения «Я был только тем, чего...», и в стихотворении «Менуэт (набросок)», к сожалению, не вошедшем в превосходно составленный двухтомник в серии «Новая библиотека поэта», но напечатанное во втором томе Собрания сочинений:

Прошла среда и наступил четверг,
стоит в углу мимозы фейерверк,
и по столу рассыпаны колонны
моих элегий, свернутых в рулоны.

Бежит рекой перед глазами время,
и ветер пальцы запускает в темя,

и в ошую уже видней
не более, чем в одесную дней.

Холодный март овладевает лесом.
Свеча на стены смотрит с интересом.
И табурет сливается с постелью.
И город выколот из глаз метелью.
Апрель 1965 [2, с. 142]

Стихотворение насыщено образами, вызывающими в памяти образы «Божественной комедии». Уже первый стих является обозначением некоей середины (середины недели), что выглядит как своеобразная литота первого стиха «Божественной комедии»: «Земной свой путь пройдя до середины...» (пер. М. Лозинского). Семантику «срединности» содержат в себе и заключительные стихи второй строфы: «и в ошую уже видней / не более, чем в одесную дней», причем указание на середину недели, звучащее в начальном стихе, здесь оборачивается уже мыслью о середине жизни, которая вместе с начальной литотой включается в создание полноценного образа ощущения сиюминутно переживаемого именно как середины жизненного пути. Очевидно, что лирический герой стихотворения – поэт, на что указывают строчки «и по столу рассыпаны колонны / моих элегий, свернутых в рулоны» (любопытно, что этот образ повторится в заключительном сонете цикла «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», тоже связанного с личностью Марины Басмановой:

Ведя ту жизнь, которую веду,
я благодарен бывшим белоснежным
листам бумаги, свернутым в дуду.
[3, с. 354]

Но лирический, хотя в то же время слегка окрашенный самоиронией образ из «Менуэта» в стихотворении из цикла «20 сонетов к Марии Стюарт» окажется окрашенным самоиронией подчеркнутой и даже педалированной). Дополняют арсенал дантовских образов «бегущая перед глазами река времени, представляющая собой своеобразный аналог Ахерона. Ветер, запускающий пальцы в темя, заставляет вспомнить образ из стихотворения «1972», также содержащий дантовские мотивы: «...время нашло

наконец искомое / лакомство в твердом моем затылке» [9, с. 21]. Мотив холода, проходящий через последнюю строфу («холодный март» и «город выколот из глаз метелью»), также заставляет вспомнить слова Харона, грозящего Данте и его проводнику:

И вот к нам плывет в ладье
старик с древнею сединою,
крича: «Горе вам, окаянные души!

Не надейтесь увидеть когда-либо небо:
я переправлю вас на другой берег,
в вечную тьму, в жар и в стужу.
[6, с. 57]

Вечная тьма дантовского «Ада» в «Менуэте» представлена образами табурета, сливающегося с постелью, т.е. поглощенного тьмой, и выколото метелью из глаз города. Видимо, этот образ содержит и подспудное указание на родной Ленинград, выполняющий функцию образа вынужденно покинутой родины, который аналогичен вынужденно покинутой Данте Флоренции, так как стихотворение написано в ссылке. Первая же строчка стихотворения («прошла среда и наступил четверг») выглядит как будто продолжением первого стиха цикла «Новые стансы к Августе», давшего название и сборнику, как мы видели, ставшего для Бродского своеобразным аналогом «Божественной комедии» («Во вторник начался сентябрь...»). Бросаются в глаза темпоральные начала обоих произведений. Это становится еще одним основанием справедливости указания на связь «Менуэта» с дантовской тематикой в целом и с циклом «Новые стансы к Августе». Далее во втором стихотворении цикла прямо будет сказано: «...бушует надо мной четверг»). Упомянутая в «Менуэте» свеча обнаружится и в «Новых стансах к Августе»: «Сентябрь. Ночь, все общество – свеча». Сам цикл, исполненный драматического содержания, изобилует образами, обогащенными дантовскими коннотациями («Тут, захороненный живьем, / я в сумерках брожу жнивьем...»; «склоняясь к темному ручью / гляжу с испугом»; «среди дорог, ведущих только в лес, / жизнь отступает от самой себя»; «И вот бреду я по ничьей земле / и у Небытия прошу аренду...»). Есть здесь и строки, как будто констатирующие утрату божественного дара, т.е. особого зрения и слуха: «Я глуховат. Я, Боже, слеповат. / Не слышу слов...»

Возможно, связан с дантовской тематикой и образ улетающих на юг птиц из первого стихотворения цикла:

Во вторник начался сентябрь.
Дождь лил всю ночь.
Все птицы улетели прочь.
Лишь я так одинок и храбр,
что даже не смотрел им вслед.
Холодный небосвод разрушен.
Дождь стягивает просвет.
Мне юг не нужен.
[3, с. 206]

Здесь, помимо саркастического намека на советскую «патриотическую» песню «Летят перелетные птицы», может содержаться и некая географическая параллель: деревня Норинская – место ссылки Бродского – по отношению к Ленинграду, как и Равенна по отношению к Флоренции, лежит севернее. Но также возможна здесь и полемическая перекличка с пушкинской элегией «Погасло дневное светило...», писавшейся, как известно, в так называемой южной ссылке:

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я...
[8, т. 2, с. 7]

В отличие от лирического героя романтической элегии Пушкина, стремящегося в «полуденные края», т.е. на юг, лирический герой Бродского жестко констатирует: «Мне юг не нужен».

Бросается в глаза то, как разнится по тону с предыдущими стихотворениями цикла «Новые стансы к Августе» завершающее цикл девятистишие:

Эвтерпа, ты? Куда зашел я, а?
И что здесь подо мной: вода, трава,
отросток лиры вересковой,
изогнутый такой подковой,
что счастье чудится,
такой, что, может быть,

как перейти на иноходь с галопа
так быстро и дыхания не сбить,
не ведаешь ни ты, ни Каллиопа.
[3, с. 206]

Символично, что стихотворение начинается именем музыки лирической поэзии, к которой обращается лирический герой, а заканчивается именем музыки поэзии эпической. Можно предположить, что и количество строк в этом стихотворении – девять – таким образом является не случайным, а внутренне закономерным, как бы включающими в себя, помимо названных, имена остальных муз. Ритмико-интонационно оно представляет собой период, в соответствии с чем каждый стих заканчивается антикаденцией, т.е. повышением тона, что передает душевное состояние лирического героя, которое может быть определено его же словами: «счастье чудится». Этот мотив счастья подспудно вводится образом подковы, в форме которой изогнут вереск. Само же слово «вереск» в русской литературной традиции связано прежде всего с балладой Стивенсона «Вересковый мед», переведенной С. Маршаком, т.е. обогащено специальной поэтической коннотацией. Центральным мотивом баллады Стивенсона является мотив тайны, который находим мы и в стихотворении Бродского: «как перейти на иноходь с галопа / так быстро и дыхания не сбить, / не ведаешь ни ты, ни Каллиопа». Метафорические «иноходь» и «галоп» здесь призваны продемонстрировать переход от известного, обычного, общепринятого к неизвестному, оригинальному. «Иноходь», т.е. «иной ход», не похожий ни на какой привычный в этом случае аллюр, служит аллегорией своего собственного поэтического языка, который стремится обрести Бродский и который не укладывается в привычные представления о языке как лирической, так и эпической поэзии. Знаменательно, что весь цикл, пронизанный символикой дантовского «Ада», завершается темой поэтического творчества, сулящего счастье, воскресение души. Это и служит художественным импульсом и психологической мотивировкой для неизбежно бросающегося в глаза выделения заключительного стихотворения цикла при помощи особого эмоционального и ритмико-интонационного строя.

Таким образом, мы видим тесную образно-тематическую связь произведений Бродского, написанных в разные годы, которая демонстрирует ту особенность творчества поэта, о кото-

рой писал А. Ранчин: «Отличительная особенность поэтики Бродского – устойчивость, повторяемость как основных мотивов, так и художественных средств их выражения» [9, с. 19], т.е. ярко выраженную монолитность его поэзии. При этом немаловажно отметить, что монолитность эта во многом строится на обращении поэта к классическому наследию, в данном случае наследию Данте и Пушкина.

Список литературы

1. *Бродский И.А.* Книга интервью. М.: Захаров, 2005. 755 с.
2. <*Бродский И.А.*> Сочинения Иосифа Бродского: [в 7 т.] / общ. ред. Я.А. Гордина; сост. Г.Ф. Комарова. Т. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 441 с.
3. *Бродский И.А.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2011. 654 с.
4. *Вацууро В.Э.* Записки комментатора. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. 348 с.
5. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1974. 407 с.
6. *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Ад / подстрочный перевод Г.Д. Муравьевой. М.: Пробел 2000, 2021. 603 с.
7. *Лосев Л.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 447 с.
8. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
9. *Ранчин А.М.* «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 460 с.

References

1. Brodskii, I.A. *Kniga interv'u* [Book of Interviews]. Moscow, Zakharov Publ, 2005, 755 p. (In Russ.)
2. <Brodskii, I.A.> *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works by Joseph Brodsky] [in 7 vols], eds. Ya. A. Gordin, G.F. Komarov. St Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 2001, vol. 2, 441 p. (In Russ.)
3. Brodskii, I.A. *Stikhotvoreniya i poehmy* [Poems], vol. 1. St Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova Publ., 2011, 654 p. (In Russ.)
4. Vatsuro, V. Eh. *Zapiski kommentatora* [Notes of a Commentator]. St Petersburg, Gumanitarnoe agenstvo "Akademicheskii proekt" Publ., 1994, 348 p. (In Russ.)

5. Ginzburg, L. Ya. *O lirike* [*On Lyricism*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1974, 407 p. (In Russ.)
6. Dante Alighieri. *Bozhestvennaya komediya. Ad* [*The Divine Comedy. Inferno*], transl. by G.D. Murav'eva. Moscow, Probel 2000 Publ., 2021, 603 p. (In Russ.)
7. Losev, L. *Iosif Brodskii: Opyt literaturnoi biografii* [*Joseph Brodsky. An Experience of Literary Biography*]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006, 447 p. (In Russ.)
8. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [*Complete Works*]: in 10 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
9. Ranchin, A.M. *“Na piru Mnemosiny”: Interteksty Brodskogo* [*“At Mnemosyne's Feast”: Brodsky's Intertexts*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, 460 p. (In Russ.)